

С.А. РОМАНЕНКО

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ И АВСТРО-ВЕНГЕРСКАЯ МОНАРХИЯ ОТ ОКТЯБРЯ 1917 года ДО БРЕСТ-ЛИТОВСКОГО МИРА

В период с октября 1917 по март 1918 г. для вовлеченных в Первую мировую войну России и Австро-Венгрии имели первостепенную важность два взаимосвязанных вопроса: о власти в государстве и о его целостности. В России произошли две революции. Она перестала быть империей. В январе 1918 г. была провозглашена федерацией Советских национальных республик. Большевики стремились сохранить доставшуюся им власть над всей территорией бывшей империи и обеспечить ее безопасность. Со своей стороны, династия Габсбургов и политические классы Австро-Венгрии хотели сохранить государство как многонациональную империю и предотвратить революцию. Судьбы двух соседних государств и входивших в их состав народов были тесно взаимосвязаны. Стремившиеся к новым формам национального самоопределения национальные движения южных славян надеялись на поддержку Советской России. Брестский мир положил конец этим надеждам.

После Октябрьской революции в Петрограде рассматривали политику в отношении Австро-Венгрии в целом и национальных движений ее народов, в частности – южных славян, с разных точек зрения: как отношения с противником на “поле брани”, с которым предстоят мирные переговоры; как возможное новое звено в “мировой революции”, идея которая стала все больше овладевать большевиками и левыми эсерами; как возможный элемент плана Срединной Европы в его германском варианте.

26 октября (8 ноября) 1917 г. Вторым Всероссийским съездом Советов был принят Декрет о мире. Большевики декларировали необходимость “справедливого или демократического мира”: именно его “жаждет подавляющее большинство истощенных, измученных и истерзанных войной рабочих и трудящихся классов всех воюющих стран”. Под “справедливым и демократическим миром” подразумевался “немедленный мир без аннексий и без контрибуций”. 8 ноября Народный комиссариат иностранных дел (НКИД) передал союзным правительствам, в том числе и правительству Сербии, ноту, в которой выдвигалась идея “демократического мира без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов”¹. Вместе с союзниками Сербия эту ноту проигнорировала.

2(15) ноября 1917 г. Советом народных комиссаров (СНК) была принята “Декларация прав народов России”. Она объявляла, что новая власть будет придерживаться принципов равноправия и свободного самоопределения народов².

В Петрограде следили за развитием событий в Австро-Венгрии. 8(21) ноября 1917 г. был опубликован “Доклад заграничной делегации РСДРП (большевиков) о международном положении”. “В Австрии, – отмечалось в нем, – после получения пер-

Романенко Сергей Александрович – кандидат исторических наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета, ведущий научный сотрудник Института экономики РАН.

¹ Советско-югославские отношения. 1917–1941 гг. Сборник документов и материалов. М., 1992, с. 13.

² Правда, 3(16).XI.1918.

вых сведений о революции состоялся в Вене гражданский митинг и демонстрация ста тысяч человек. Это тем более характерно, что в Австрии организованная оппозиция очень слаба. Решение перенести борьбу за мир с самого начала на улицу, не ограничиваясь обычным парламентским способом ее ведения, появление этой борьбы в форме уличных демонстраций, подтверждает известный факт, что жажда мира в Австрии переходит в открытую борьбу за мир”³.

9(22) ноября 1917 г. в “Правде” была опубликована статья “Международное положение и борьба за мир” К. Радека, заведующего отделом внешних сношений Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК). Характеризуя политическую ситуацию и настроения в Австро-Венгрии, он отметил, что “жажда мира в Австрии еще более сильна (по сравнению с Германией. – *С.Р.*). Здесь нет даже милитаристской империалистической клики, уверенной в возможности победы. Министерство внешних дел Чернина самым определенным образом высказывается за мир без всяких новых аннексий, если только Австрии удастся удержать в своих руках все земли, которые за несколько поколений кайзеры награбили и получили в приданое”. Эта позиция соответствовала намерениям большевиков. Они намеревались провести мирные переговоры с Берлином и Веной. Австрию подталкивали к миру “экономическая разруха” и “национальная борьба, которая... ослабляет центральную власть”. “Жажда мира охватывает не только народные массы, но и бюрократию, и буржуазные круги”, – резюмировал К. Радек⁴.

15(28) ноября 1917 г. советское правительство заявило, что в случае отказа Франции, Великобритании, Италии, США, Бельгии, Сербии, Румынии, Японии и Китая присоединиться к переговорам, Россия и страны Четверного блока начнут сепаратные переговоры⁵. В Петрограде был свой план реформирования этнополитического пространства региона. “Правда” сообщала: “В русском стремлении к миру (в Австрии. – *С.Р.*) давно видят открытие нового пути переустройства Востока Европы, которое дало бы всем народам и национальностям гарантию свободного развития”⁶.

На первом пленарном заседании мирной конференции в Брест-Литовске 2(15) декабря 1917 г. делегация Российской Республики выступила с декларацией, отражавшей принципы всеобщего демократического мира, изложенные в Декрете о мире. В ней говорилось: “Национальным группам, не пользовавшимся политической самостоятельностью до войны, гарантируется возможность свободно решить вопрос о своей принадлежности к тому или другому государству или о своей государственной самостоятельности путем референдума. Этот референдум должен быть организован таким образом, чтобы была обеспечена полная свобода голосования для всего населения данной территории, не исключая эмигрантов и беженцев”⁷.

17(30) декабря 1917 г. появилось обращение НКВД “К народам и правительствам союзных стран”. В нем затрагивался и вопрос о судьбе Трансильвании, Боснии и Герцеговины. “Теперь нельзя повторять, что война идет из-за освобождения Бельгии, северных департаментов Франции, Сербии и т.д., ибо Германия и ее союзницы извещают готовность очистить эти области в случае всеобщего мира, – говорилось в документе. – Теперь, после предъявления противной стороной условий мира, нельзя отделяться общими фразами о необходимости доведения войны до конца. Нужно ясно и точно сказать, какова мирная программа Франции, Италии, Великобритании, Соединенных Штатов. Требуют ли они вместе с нами предоставления права самоопределения народам Эльзас-Лотарингии, Галиции, Познани, Богемии, югославянских областей”⁸. Под самоопределением югославянских областей понималась возможность их присоединения к Сербии. Таким образом, большевистское правительство, как до

³ Правда, 8(21).XI.1917; Известия, 8(21).XI.1917.

⁴ Правда, 22(9).XI.1917.

⁵ *Соболев Г.Л.* Тайна “немецкого золота”. СПб. – М., 2012, с. 266, 237.

⁶ Правда, 6.XII(23.XI).1917.

⁷ Документы внешней политики СССР, т. 1. М., 1957, с. 61.

⁸ Советско-югославские отношения, с. 21–22.

него и царское, и Временное правительство, фактически выступало за распад Австро-Венгрии. Для большевиков это был способ ослабления одного из своих противников – монархии Габсбургов. Начав мирные переговоры с Австро-Венгрией и ее союзниками, большевики были вынуждены отказаться от публичного провозглашения своего стремления к распаду государства – партнера по переговорам. В то же время национальные противоречия в монархии и устремления Сербии и Италии можно было использовать в качестве рычага давления на Вену и Будапешт.

Лондонский договор 1915 г., согласно которому страны Антанты, в том числе и Россия, давали согласие на удовлетворение территориальных претензий Италии на земли Австро-Венгрии, где проживали южные славяне, был опубликован в “Правде” и в “Известиях” в рамках кампании разоблачения царской и империалистической дипломатии. Сербский посланник М. Спалайкович 16 ноября 1917 г. кратко изложил его суть королю и правительству, которое, впрочем, как и Югославянский комитет, знало ее еще с весны 1915 г.⁹ 3(16) декабря в “Правде” под инициалами И.П. была напечатана статья “Договор союзников с Италией”. Автор рассматривал Лондонский договор как стратегическую ошибку¹⁰. Однако публикация договора серьезных последствий не имела.

Условия, выдвинутые Германией и Австро-Венгрией на заседании 12(25) декабря 1917 г. и касавшиеся, в частности, судьбы югославянских народов Австро-Венгрии и Сербии, были следующие: “1. Отказ от насильственных аннексий, вывод войск с оккупированных территорий на основе мирного договора (...); 2. Отказ от намерений лишать политической самостоятельности нации, утратившие ее в ходе войны; 3. [Решение проблемы о] самоопределении наций на основе внутренних конституций государств, которым они принадлежат, но никак не на основе международных договоров; 4. Право национальных меньшинств на автономию, также на основе внутреннего, а не международного права; 5. Никакого ущерба, за исключением особых выплат каждого государства на содержание своих пленных в ином государстве и кроме возмещения дополнительного ущерба своим подданным; 6. Безусловный возврат насильственно захваченных во время войны колониальных территорий”, то есть в том числе – возврат Германии ее колоний. “Отвечая на первую группу условий, глава русской делегации отметил, что признание за нациями фиктивного права на самоопределение конституционным путем по сути уничтожает сам принцип самоопределения”. Российская делегация также настаивала на фактическом самоопределении наций на основе международного права, на праве референдума для национальных групп и т.д.¹¹

Журналисты легальных изданий, деятели национальных движений южных славян Австро-Венгрии и сербские дипломаты с осени 1917 г. внимательно следили за тем, что происходит в России. 12 ноября загребская югославистски ориентированная газета “Hrvatska država” сообщила, что власть в России захватили максималисты во главе с В.И. Лениным и Л.Д. Троцким, а на следующий день рассказывала о реакции Вены и Берлина¹². В Архиве Республики Словении, в фонде Югославянского клуба – фракции депутатов-югославян в австрийском рейхсрате содержатся подробные выписки-переводы статей из газет “Новое время” и “Русское слово”, посвященных В.И. Ленину и Л.Д. Троцкому¹³.

Вслед за державами Антанты Сербия была противницей власти большевиков. 10(23) ноября 1917 г. начальники аккредитованных при Верховном главнокомандова-

⁹ Международные отношения эпохи империализма, сер. III, т. VII, ч. 2. М.–Л., 1935, с. 19, 47, 240, 395–396; *Mandić A.* Fragmenti za historiju ujedinjenja. Zagreb, 1956, s. 123–158.

¹⁰ Правда, 16(3).XII.1917.

¹¹ *Нольде Б.Э.* Итоги 1917 г. Брестские переговоры и Брестский мир. – Вестник Европы, 2001, т. II, с. 154–155.

¹² Hrvatska država, 12.XI.1917; 13.XI.1917.

¹³ Arhiv Republike Slovenije. AS 584, f. “Jugoslovanski klub na Dunaju”, šk. 13. Prepisi iz časopisa “Novoje vremja” o Leninu in Trockem. Julij – december 1917, s. 1–4.

нии военных миссий протестовали против действий Советского правительства, направленных на заключение перемирия. На первом дипломатическом приеме у нового правительства посланник Сербии в России М. Спалайкович, согласно его собственному донесению, упрекнул В.И. Ленина в “предательстве славянской расы”¹⁴. Правительство Сербии пыталось воздействовать на ход мирных переговоров в Брест-Литовске. Сербия была готова предложить свою дружбу Советской России, если во время мирных переговоров советские представители будут добиваться для нее максимально благоприятных условий в Брест-Литовске¹⁵. Это могло привести к срыву мирных переговоров.

Переговоры о мире Советской России с Германией и Австро-Венгрией в Брест-Литовске не прибавили симпатий к большевикам и среди югославистов-федералистов. Подписание договора в Брест-Литовске означало бы признание Советской Россией целостности Австро-Венгрии и легитимности династии Габсбургов. Для югославянских национальных деятелей это было неприемлемо.

30 декабря 1917 г. Югославянский комитет направил русской делегации на мирных переговорах в Брест-Литовске телеграмму о неправомерности делегации Австро-Венгрии вести переговоры. Руководство Югославянского комитета отрицало право австро-венгерской делегации представлять югославянские земли, “в которых проживают сербы, хорваты и словенцы”, названные авторами документа “югославянским народом”. “Лишенный таким образом всех прав, наш народ отдан на милость своих и чужих правителей, погрязших в коррупции и терроре. Вот что из себя представляет австро-венгерская конституция, под флагом которой граф Чернин хотел бы осуществить свое право на самоопределение... Эта делегация (Австро-Венгрии во главе с министром иностранных дел графом О. Черниным. – *С.Р.*) не представляет угнетенных народов Австро-Венгрии, но лишь деспотические правительства Вены и Пешта. Австро-венгерская конституция, на которую ссылается граф Чернин, не что иное, как фикция и обман. Югославянский народ Австро-Венгрии находится вне закона. Ему затыкают рот, и поэтому Югославянский комитет, его представляющий, протестует и отстаивает его право на жизнь. Мы хотим, наконец, освободиться от всех этих зверств и объединиться с нашими братьями в Сербии и Черногории на принципах свободы и равноправия. Не забывайте же об этом вы, еще вчера подвергавшиеся гнету царизма, когда ведете переговоры о демократическом мире не с делегациями свободных народов, а с делегациями правительств, являющимися самыми законченными представителями автократии, тирании и милитаризма”¹⁶. “Революционная Россия не может покинуть малые народы, так как в таком случае она сама себя обрекла бы на смерть, изменив самой идее русской революции, созданию нового общества свободных и равноправных народов”, – призывали русскую делегацию в Брест-Литовске югославянские эмигранты в Париже 31 декабря 1917 г.¹⁷

5 января 1918 г. митинг югославянских политических эмигрантов осудил планы большевиков. “Мы, югославы, – говорилось в принятом ими воззвании, – будучи единой нацией, веками угнетаемой и обманываемой Австро-Венгрией, выступаем за свободу и наше объединение с Сербией и Черногорией... Мы и подумать не можем, что русская демократия может забыть о вчерашних аннексиях, о которых помнит нынешнее поколение. Не можем и подумать, что возможно использовать австро-германскую софистику о давности насильственных и мошеннических аннексий с целью скрыть свои империалистские намерения и скрыть свои ужасные преступления”. Воззвание

¹⁴ Советско-югославские отношения, с. 15–20, 31–32.

¹⁵ Зеленин В.В. Под красным знаменем Октября. 1917–1921. М., 1977, с. 89–90; *Екмечић М.* Стварање Југославије. Књ. 2. Београд. 1989, с. 795.

¹⁶ *Mandić A.* Fragmenti za historiju ujedinjenja, s. 246; Советско-югославские отношения, с. 23–29.

¹⁷ Советско-югославские отношения, с. 29.

подписали двенадцать представителей из Воеводины, Далмации, Боснии и Словении Герцеговины¹⁸.

Обращения в Брест-Литовск направляли не только эмигранты. 20 ноября (3 декабря) 1917 г. впервые за все время войны было созвано заседание австрийской и венгерской “делегаций”, представлявших по соглашению 1868 г. обе части монархии. Входящие в их состав чешские, польские, украинские и югославянские депутаты потребовали разъяснить причины сокрытия от общественности призыва Советского правительства предоставить народам право на самоопределение. Министр иностранных дел граф Чернин заявил, что Австро-Венгрия “не может навсегда отказаться от своих бескорыстных военных целей”. Депутаты ответили ему, что он не является представителем всех народов Австро-Венгрии и не имеет права говорить от их имени. 28 ноября 1917 г. правительство Австро-Венгрии согласилось на выдвинутые большевиками принципы мира без аннексий и контрибуций при осуществлении права на самоопределение наций. Югославянский клуб в рейхсрате, исходя из этого, потребовал, чтобы на эти переговоры были допущены и представители других народов Австро-Венгрии. Меморандум, направленный германской, австро-венгерской, российской и украинской делегациям, подписал председатель клуба словенец А. Корошец¹⁹. Югославянский клуб и Чешский союз 5(18) декабря 1917 г. заявили о своем желании, “как это предлагает большевистская власть и как нам самим кажется правильным, чтобы мир был заключен самими народами”. Но императорское правительство отвергло это требование, поскольку, по его мнению, в Австро-Венгрии “все нации равны”, и поэтому достаточно, если страну будет представлять одна делегация²⁰.

Югославянский клуб вновь вернулся к переговорам в Брест-Литовске 31 января 1918 г. В документе, подписанном А. Корошцем, предлагалось: “1. Немедленное заключение общего демократического мира, полное разоружение, международные гарантии и защита свободного развития всех больших и малых народов; 2. Признание и полная гарантия свободного осуществленного полного права на самоопределение наций, особенно в вопросе об их желании [создать] свободное государство и в какой форме они хотят это сделать; 3. Мы требуем для нашего государства только ту территорию, на которой компактными массами [в течение] длительно проживают сербы, хорваты и словенцы; 4. Моря, в особенности Адриатическое море, должны быть свободными. Мы предлагаем, чтобы на мирные переговоры были допущены избранные представители австро-венгерских народов, в особенности Югославян, с целью [достичь] договор о неограниченном самоопределении наций в монархии, которые должно быть абсолютно свободно и гарантированно осуществлено²¹”.

События в России не могли не оказывать влияния на позицию легального и легалистского крыла хорватского национального движения. Газета хорватской националистической партии в своих оценках ситуации в России и Австро-Венгрии соединяла присущие хорватскому национальному сознанию симпатии к России, в том числе и монархической, с устремлениями хорватского национального движения. 25 февраля 1918 г. в статье “Самоопределение в рамках” она информировала читателей о выступлении министра-президента Венгрии Ш. Векереле, высказавшегося за реинкорпорацию Хорватии и Далмации. Хорватия находилась в венгерской части, а Далмация – в австрийской, хотя формально-юридически, согласно Венгерско-хорватскому соглашению 1868 г., Далмация входила в состав Триединого королевства Далмации, Хорватии и Славонии. Однако решение о воссоединении “хорватских земель”, что было неотъемлемой частью национального самоопределения хорватов, которое по мнению Векереле, должно было быть одобрено рейхсратом в Вене и венгерским государственным собранием в Будапеште. Таким образом, писал автор статьи, решение будем принимать

¹⁸ *Екмечић М.* Стварање Југославије 1790–1918. Књ. 2, 1989, с. 795–796.

¹⁹ *Horvat J.* Politička povijest Hrvatske. 1918–1929, sv. I. Zagreb, 1938, s. 14–15.

²⁰ *Пусарев Ю.А.* Сербия и Черногория в первой мировой войне. М., 1968, с. 273–274.

²¹ *Dokumenti o postanku Kraljevine Srba, Hrvata i Slovenaca.* Zagreb, 1920, s. 117–121.

не мы, а решение будут принимать о нас. Министр иностранных дел Австро-Венгрии О. Чернин “несколько раз заявил, что признает право на национальное самоопределение”. Однако самоопределение должно ограничиваться рамками Монархии. “[Принимая] решение о воссоединении Хорватии, Далмации, Боснии и Герцеговины, а также некоторых словенских земель в одно самостоятельное государство мы сами решим свою судьбу”, – заключил автор²². Лозунг национального самоопределения, за которое выступали большевики и социалисты других стран, укоренился в австро-венгерской политической идеологии и оказывал непосредственное воздействие на политические процессы. “Самоопределение наций – гибель Венгрии”, – к такому выводу еще 5 января 1918 г. пришел влиятельный загребский “Obzor”²³. В то же время газеты подробно информировали общественность как о ходе переговоров в Брест-Литовске, так и о внутреннем положении в России²⁴.

“Hrvatska” выказывала симпатии к России и, несмотря на то, что государства являлись противниками на поле брани, хотя и ведущими мирные переговоры, горечь, сложившейся там ситуацией, в том числе и тенденцией к отделению от России Польши, Финляндии, Украины. «Известия все хуже и хуже, – писал неизвестный журналист, характеризуя “русский хаос”, – Ленин и Троцкий не знают, что делать, они бессильны навести порядок»²⁵.

Большевики в отношениях с Австро-Венгрией стремились использовать социальный протест, национальные движения и движение в пользу мира. При этом самостоятельного значения югославянский вопрос в монархии и на Балканах для них не имел, он рассматривался лишь как составная часть общих проблем и как средство давления на Вену и Будапешт.

В принятии решений В.И. Ленин и другие руководители большевиков руководствовались классовыми схемами К. Маркса. В условиях войны и революции получение информации из Европы было затруднено. Новая власть не обладала ни специалистами-аналитиками высшего и среднего звена, ни налаженными каналами информации. Многие решали сведения от находившихся в тот момент за границей большевиков, отдельные номера газет, доходившие до Петрограда или Москвы, или личные встречи советских руководителей с “австро-венгерцами” или “балканцами”. В “Биографической хронике” Ленина содержится упоминание о четырех подобных контактах, состоявшихся в конце 1917 – начале 1918 г.

В декабре 1917 г. Ленин беседовал “с представителем румынского революционного центра в Одессе М. Бужором о положении в Румынии и о Балканах вообще”. Не позднее 13 января 1918 г. председатель СНК получил телеграмму из Стокгольма от В.В. Воровского о том, что “стачечное движение приостановилось, но подавить его совсем властям не удастся”. В конце января Ленин беседовал с К. Радеком “в связи с известиями о нарастании революционного движения в Германии и Австро-Венгрии”. Наконец, 14, 15 или 16 марта в перерыве IV Чрезвычайного Всероссийского съезда Советов, посвященного ратификации Брестского мира, означавшего признание Советской Россией оккупации Сербии австро-германскими войсками, Ленин разговаривал “с заместителем сербского посланника профессором Р.С. Йовановичем о национально-освободительной борьбе в Сербии”²⁶, которая явно не признавала власть большевиков, но пыталась их использовать против Австро-Венгрии и Италии. В статье “Русская революция и борьба за мир” “Известия” отмечали: “Дав австрийским правительствам возможность одержать легкую победу во внешней политике, мы тем самым только

²² Hrvatska država, 25.II.1918.

²³ Obzor, 5.I.1918.

²⁴ Hrvatska, 4.II.1918.

²⁵ Hrvatska, 8.II.1918.

²⁶ В.И. Ленин. Биографическая хроника, т. 5. М., 1974, с. 165, 200, 238, 318.

упрочили бы их положение внутри страны, их боевые позиции против непримиримых классовых врагов – революционных интернационалистов”²⁷.

В начале января 1918 г. в Вене, Будапеште и некоторых других городах возникли советы рабочих и солдатских депутатов. 14 января началась забастовка в Вене, распространившаяся и на другие промышленные города империи, центры Австро-Венгрии. Ее лозунги были в основном политические – установление всеобщего мира на условиях, предложенных Советской Россией, отмена законов военного времени, отмена цензуры, амнистии для политических заключенных, а также справедливого распределения продуктов. Это движение было подавлено, а советы – разогнаны. “Крупные волнения” в Вене “Правда” назвала “кануном австрийской революции”²⁸. “Австрия перед революцией”, – утверждал в “Правде” автор, скрывшийся за инициалами Н.Б. “Брестские переговоры, – заявлял он, – подлили в огонь столько масла, что пожар готов пожрать и австрийских преступников, как он уже пожрал их российских коллег. День победы близок. Будем тверды, ибо международная революция не за горами”²⁹.

25(12) января “Правда” возвестила: “Красный флаг коммунистической революции поднят и в Европе! В Вене и Будапеште – Советы Рабочих Депутатов!”. Анализируя ситуацию, автор писал, что ситуация характеризуется “полным разложением среди буржуазных верхов, теряющих всякую опору в массах”. Однако затем он, демонстрируя свои собственные и формируя массовые представления, упрощенно сравнивал происходящее в Австро-Венгрии с “керенщиной” в России. “Подобно тому, как в период Керенщины в России, перед центральным правительством стали во всей резкости вопросы рабочий, аграрный и национальный, о которые правительство бонапартиста разможило себе голову, – подобно тому те же вопросы в обстановке разрухи и войны грозят свалить трон императора Карла Габсбурга”³⁰.

Вслед за свержением монархов вставал вопрос о будущем устройстве Европы. В “Правде” критиковали как германские планы “Срединной Европы”³¹, так и планы Антанты, реализация которых означала, что “гегемония должна была принадлежать Англии точно так же как в союзе “центральных держав” почетная роль обер-разбойника предназначалась Германии”. Лозунг “умеренных социалистов” – “Соединенные Штаты Европы” – также был отвергнут. Единственной альтернативой, по мнению руководства большевиков, была “Федеративная Европейская республика Советов”, что могло означать как сохранение, так и разрушений существовавших государств³².

В январе – марте 1918 г. в “Правде” были опубликованы статьи, в которых содержались оценки ситуации в Австро-Венгрии. “Революционное движение в Австрии и Венгрии носит стихийный характер”, – полагал Бела Кун. “Подобно тому, как обостряется процесс разложения в среде австрийского империализма, начинается разложение и самого австро-германского блока”, – писал неизвестный автор. “У нас есть верный союзник в лице трудящихся масс Австро-Венгрии и Германии”, – заявлял Ю. Стеклов³³.

11(24) января 1918 г. в “Известиях” был опубликован материал “Боснийско-Герцеговинский вопрос”. В первой части приводилось письмо крестьянских депутатов боснийско-герцеговинского сейма Н. Стояновича и М. Сташница своему товарищу в Петроград Ж. Нежичу, в котором кратко излагалась история национального движения

²⁷ Известия, 23.XII.1917 (5.I.1918).

²⁸ Правда, 22(9).I.1918.

²⁹ Правда, 24(11).I.1918.

³⁰ Правда, 25(12).I.1918.

³¹ Каутский К. Средняя Европа. М., 1916; *его же*. Объединение Средней Европы. М., [1916]; Науман Ф. Срединная Европа. М., 1918; См. также: Сватковский В. Агитация в пользу создания государства “СРЕДО-ЕВРОПЫ”. Женева, 17(3) декабря 1915 г. – Архив внешней политики Российской империи, ф. 140, оп. 477, д. 288, л. 4–15.

³² Правда, 26(13).I.1918.

³³ Правда, 29(16).I.1918; 27(14).II.1918; 23(10).III.1918.

в Боснии и Герцеговине, представлявшееся как социально-революционное. Авторы критиковали Османскую и Австро-Венгерскую империи, делали упор на угнетении и на революционно-радикальном выражении протеста. Сербские депутаты ставили в заслугу “народу Боснии и Герцеговины убийство Франца Фердинанда, приведшее к мировой войне. Рассказав о ситуации, авторы пришли к выводу, что “Босния-Герцеговина одними своими силами освободиться не может”, а, следовательно, Россия должна воевать за освобождение Боснии и Герцеговины, за освобождение славян: “Самодержавная Россия предала Боснию и Герцеговину – священный долг свободной России выкупить ее”³⁴.

Во второй части материала был опубликован “Ответ боснийско-герцеговинским революционерам”. Авторство этого текста установить пока не удалось. В “Ответе” отстаивались идеи “социалистов-интернационалистов”: “Революционная Россия борется за мир без аннексий и контрибуций, на началах права всех угнетенных народов на самоопределение. Отсюда ясно, что она стремится к освобождению как Польши, Литвы, Латышского края, так равно Индостана, Индо-Китая, а также Сербии, Боснии и Герцеговины. Революционная пролетарская Россия признает громадную важность освобождения балканских народов от империалистического ига обоих воюющих лагерей; она неоднократно высказывала свою солидарность с программой демократической федеративной республики, объединяющей все без исключения балканские народы на началах свободного самоопределения, программой, выдвинутой балканскими социалистами”.

Обращает на себя внимание, что в ответе речь шла не только об “империализме” великих держав, но и, чуть ли не впервые, об империализме сербском. Революционная Россия считала “осуществление этой программы лучшим средством обуздания как империалистов великих держав, так и империалистов сербских, принесшим в жертву интересы своей страны хищническим стремлениям своим собственным и империалистам Четверного соглашения, а равно и Болгарских, связавших судьбу Болгарии с судьбой империализма Тройственного союза”.

Вероятно, большевистские политики и аналитики разгадали проводимую комбинацию: используя “революционную фразеологию” вернуть Россию на фронт. Они отвергли попытки втянуть их в процесс “дезаннексии Боснии и Герцеговины” и сорвать переговоры с Тройственным союзом. «Освобождение Боснии и Герцеговины, как и других стран, не может быть следствием продолжения нынешней войны до победы империалистических государств Четверного Соглашения над империалистическими государствами Четверного Союза, ибо каждая из этих стран, говоря о самоопределении народов, стремится лишь к порабощению все новых стран и народов, – утверждалось в “Ответе”. – Оно может быть только следствием классовой войны пролетариата всех воюющих стран против их империалистов». Большевики отказались продолжать войну за освобождение “угнетенных народов” и “братьев-славян”: “Дело освобождения всех угнетенных стран и народов, в том числе Боснии и Герцеговины, начатое русскими трудящимися классами находится в руках пролетариата всех воюющих государств. И мы надеемся, что социальная революция должна вытечь из настоящей войны, принесет действительную свободу всем нациям и национальностям, большим и малым”³⁵.

Газета левых эсеров, партнера большевиков по “правительственной коалиции”, “Знамя труда” обсуждала общие для того времени вопросы – о федерализме, о возможности “соединенных Штатах России” или “федерации советских республик”³⁶, о самоопределении Латвии и Украины.

Статья о самоопределении Латвии ценна тем, что в ней дано определение “народной единицы”, обладающей по мнению авторов постановления ЦК Партии социа-

³⁴ Известия, 11(24).I.1918.

³⁵ Известия, 11(24).I.1918.

³⁶ Знамя труда, 11(24).I.1918.

листов-революционеров Латвии, правом на самоопределение. Мнение эсеров было близко концепции части большевистской партии о “самоопределении трудящихся”. Они постановили “считать народной единицей с исторической точки зрения исключительно трудовой народ всей Латвии в указанных выше границах, кои в спорных случаях определяются опросом жителей заинтересованных волостей”³⁷.

16(29) января 1918 г. в статье “Украинское самоопределение и право на самоопределение в австрийском рейхсрате” газета резко выступила против «попытки использовать роспуск учредительного собрания для “опоры” своей позиции по вопросу о самоопределении народов оккупированных областей»³⁸.

Как и большевики, левые эсеры были уверены в том, что близится мировая революция. По их мнению, задачи всемирного масштаба находились в тесной связи с конкретной политической ситуацией, в самой большой степени – с ходом переговоров в Брест-Литовске³⁹. Отношение к Австро-Венгрии у левых эсеров было многоплановым: Австро-Венгрия рассматривалась и как враг в войне, и как партнер на переговорах. Кроме того, “пролетариат” Австро-Венгрии и ее “угнетенные народы” считались союзниками русского пролетариата и новой власти. “Первые вспышки революционного движения, охватившего австро-венгерский и германский пролетариат, оказали несомненное влияние на то решение, которое было окончательно принято русской мирной делегацией в Бресте”, – утверждал М.А. Брагинский⁴⁰. В феврале 1918 г. газета сообщила, что по официальному заявлению австрийского военного бюро печати “выставленные против великорусского фронта войска скомпонованы исключительно из германских солдат”⁴¹. Это было признание небоеспособности австро-венгерской армии и нежелания солдат воевать. “Знамя труда” опубликовало статью “Их патриотизм и наш патриотизм” В.Е. Трутовского, занимавшего до марта 1918 г. пост наркома по делам местного самоуправления в составе СНК РСФСР. В духе большевистских теорий он рассуждал: “Нет и не может больше быть общенационального патриотизма. Ибо нет и не может быть общности классовых интересов; но каждый класс имеет свой классовый патриотизм и подобный патриотизм имеется только у непримиримых социалистов, поскольку они стараются не только защитить, но и расширить завоевания своей революции”⁴².

Однако постепенно разногласия левых эсеров и большевиков нарастали и начали во все более резкой форме проявляться в печати. Накануне подписания Брестского мира левый эсер Б. Камков, ранее поддерживавший переговоры в Брест-Литовске, опубликовал критическую по отношению к большевикам и политике заключения мира статью⁴³. 22 февраля (7 марта) “Знамя труда” опубликовало материал, в котором утверждалось, что подписанный в Бресте мир “не есть мир, основанный на свободном согласии народов России, Германии, Австро-Венгрии, Болгарии и Турции. Это – мир, который продиктован с оружием в руках, это мир, который стиснув зубы принуждена принять революционная Россия”⁴⁴.

19 февраля (4 марта) 1918 г. “Правда” в статье “Право на самоопределение, империализм и пролетарская революция” предложила свою трактовку понятия “самоопределения”. «Пролетариат угнетающей страны [против] каждой попытки поработить чужую нацию, втиснуть ее насильно в рамки своего государства или насильно удерживать ее в его пределах. Вот сущность лозунга “права на самоопределение”. При этом этот пролетарский принцип и право нации в трактовке “революционного социализма”

³⁷ Знамя труда, 14(27).I.1918; 16(29).I.1918.

³⁸ Знамя труда, 16(29).I.1918.

³⁹ Камнев Ю. Борьба за мир (отчет о мирных переговорах в Бресте). Пг., 1918.

⁴⁰ Знамя труда, 21(8).II.1918.

⁴¹ Знамя труда, 23(10).II.1918.

⁴² Знамя труда, 1.III(16.II).1918.

⁴³ Знамя труда, 2.III(17.II).1918.

⁴⁴ Знамя труда, 7.III(22.II).1918.

во все время своего существования всегда требовал и признавал право вмешательства революции во внутренние дела всех народов». Однако «это же, между прочим, всегда делали и контрреволюционные силы»⁴⁵.

Выступая на IV чрезвычайном съезде советов 14 марта 1918 г. Ленин в докладе о ратификации мирного договора 14 марта, отметил, что «всякий, кто бывал в Германии, Австрии, Швейцарии и Америке в последние месяцы нам скажет, что... величайший энтузиазм встречают среди рабочих имена и лозунги представителей Советской власти в России, что вопреки всяческой лжи буржуазии Германии, Франции и т.д. рабочие массы поняли, что как мы ни слабы, а здесь, в России, делается их дело».

И большевиков, и левых эсеров волновало, сколь продолжительным будет действие Брест-Литовского мирного договора. Основную надежду на прекращение «похабного» мира связывали с революциями в Германии и Австро-Венгрии. В заключительном слове к докладу о ратификации мирного договора 15 марта Ленин не скрывал, что «срок передышки» зависит от того, «как внутренний конфликт в Австрии и Германии пойдет дальше»⁴⁶.

В марте 1918 г. инициативу подхватили «Известия». «Есть основания думать, что ближайший этап империалистического развития будет отмечен именно такой перегруппировкой держав, которая совершится не столько в целях войны, сколько во имя интенсивной эксплуатации новых завоеваний победителями и слабыми странами», – утверждал В. Керженцев. «Национальный вопрос в такой, как нынешняя, объективной обстановке может быть решен только в процессе грандиозной гражданской войны в мировом масштабе. Его судьба неразрывно связана судьбой пролетарского движения. Только Интернационал способен сыграть роль вождя в этой войне. Организация же национальных движений обладает в этой войне столь же важным значением, как дело создания благоприятной обстановки на арене военных действий всякой армии», – писал К. Залевский⁴⁷. Едва сохранив власть и подписав мир, большевики уже мечтали о новой – гражданской – войне во всемирном масштабе.

Работавшая в России Бела Кун в статье «Кризис австро-германского империализма», опубликованной в «Известиях», заявлял: «Сильный, энергичный немецкий империализм стягивает петлю на шее более слабого, окончательно уставшего австро-германского империализма, все туже и туже, и положение умирающей монархии оказывается еще хуже, чем положение России сравнительно с Англией, Францией и Америкой, каким оно было до революции». Венгерский левый социал-демократ критиковал «велико-немецких социал-демократов из сорта Реннера и К, [которые] могут теперь на шкуре Австро-Венгрии убедиться в тщетности их среднеевропейских стремлений перед лицом империализма». Однако крах надежд «австро-марксистов» на Среднюю Европу имел и сугубо житейское выражение и политическое значение: ««Хлебный мир», который признали социал-демократические сторонники бургфридена (гражданского мира), не дает Дунайской монархии ни одного хлебного пайка, как с грустью констатируют австрийские газеты. Немецкий империализм рвет и тащит для себя, и Австро-Венгрия делает отчаянные попытки освободиться от союза с Германией... С другой стороны, в Австрии царит страшная боязнь русской революции». Иными словами, «теснимый с двух сторон», т.е. большевистской Россией и кайзеровской Германией, австрийский империализм «вынужден теперь занять оборонительную позицию, чтобы защититься против завоевательной политики немецкого империализма»⁴⁸.

Мир в Бресте рассматривался с точки зрения положения Советской России и ситуации в Австро-Венгрии. В гораздо меньшей степени учитывался, если вообще учитывался, югославянский вопрос. У югославян монархии, по мнению большевистского руководства, в тот момент был недостаточный уровень революционности, а Сербия

⁴⁵ Правда, 4.ІІІ(19.ІІ).1918.

⁴⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1974. т. 36, с. 110, 116–117.

⁴⁷ Известия, 16.ІІІ; 19.ІІІ; 22.ІІІ.1918.

⁴⁸ Известия, 23.ІІІ.1918.

однозначно перешла в лагерь противников большевиков и сторонников Антанты. Сербская “революция” – объединение земель путем разрушения Австро-Венгрии не могла стать союзником русской социалистической, стремившейся к сохранению революционной Австро-Венгрии. Это касается и отношений с Сербией, и отношений с Югославянским комитетом – монархистами и “буржуазными националистами”. Не понимали восприятие свободы как свободы национальной и отождествляли стремление к национальной свободе с этническим национализмом.

Брест-Литовский мирный договор означал не только выход России из войны и ее отказ от поддержки союзников, но и признание целостности Австро-Венгрии и легитимности династии Габсбургов. Он оказался вторым за три года тяжелым ударом по репутации и престижу России среди южных славян.

При оценке Брестского мира необходимо иметь в виду одно важнейшее обстоятельство. В Австро-Венгрии еще в августе 1914 г. была установлена система распределения продовольствия, которая вскоре начала давать сбои. Начинаясь голод, который затем только усиливался. Неповоротливая и многоступенчатая бюрократия все больше показывала свою неэффективность. Югославянские земли монархии не были исключением. Все это вело к росту не только социальной напряженности, но и усугубляло межнациональные противоречия, свойственные империи и до войны. Поэтому Брестский мирный договор, предусматривавший поставку продовольствия с Украины был спасением для Австро-Венгрии, не исключая Хорватию, Далмацию и Истрию был спасением. Но Украина сама испытывала недостаток продовольствия. Впрочем, в обращении Югославянского комитета нарисована несколько иная картина: “У наших областей отняты все запасы продовольствия. Наш народ голодает. Только один Загреб приютил 6000 маленьких детей из голодающих районов”⁴⁹. Хорватская печать приветствовала мир с Россией⁵⁰.

В.И. Ленин, как известно, назвал Брестский мир “похабным”. Однако он всячески подчеркивал роль голода в развитии революции в Австро-Венгрии в 1918 г.⁵¹ Один из австрийских чиновников по поводу приема, оказанного заключившему этот мир министру иностранных дел О. Чернину, иронически назвал этот мир “хлебным”. Но сам Чернин писал: “Миллионы людей, жизнь которых была спасена сорока двумя тысячами вагонов с продовольствием, вывезенными из Украины, повторяют его слова без всякой иронии”⁵².

Зная исторический результат, можно сказать, что Брестский мир стал началом отправной точкой послевоенного переустройства Средней и Восточной Европы путем мирных договоров. Открытое военное противостояние Советской России с монархией Габсбургов и ее союзниками завершилось. Однако это не означало прекращения состояния геополитического и идеологического конфликта, продолжавшегося иными средствами. Вступив в конфликт с бывшими союзниками по войне, большевистский режим отчаянно пытался заручиться новыми. Одним из них, наряду с советизированной Германией, в Кремле планировали сделать советизированную Австро-Венгрию. Но в октябре–ноябре 1918 г. произошло октябрьско-ноябрьская национальная революция 1918 г. в Австро-Венгрии и ее распад на несколько национальных независимых государств.

⁴⁹ Советско-югославские отношения, с. 26.

⁵⁰ *Obzor*, 5.III.1918.

⁵¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 110, 117, 333, 395–396, 437; т. 37, с. 9, 116, 167, 456.

⁵² Чернин О. В дни мировой войны. Мемуары. М.–Пг., 1923, с. 275.